

*События
и судьбы-2*

Валерий Бердников
События и судьбы 2

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Бердников В. Н.

События и судьбы 2 / В. Н. Бердников — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Книга "События и судьбы 2" для широкого круга читателей имеет цель сохранить память о событиях, времени, быте и образе мыслей вятчан в послевоенные годы.

Содержание

40. Память (продолжение)	5
42. Нечаянная встреча	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

40. Память (продолжение)

Всего в братских могилах на 102 км шоссе Кандалакша-Алакуртти покоятся несколько сотен Вятских воинов. Среди них:

Абдулов Магомед Рамазаевич
рядовой
1914-
1941

Аверин Александр Иванович
рядовой
1918-
1941

Аксенов Николай Павлович
рядовой
?-
1941

Андреев Иван Григорьевич
рядовой
1914-
1941

Анохин Сергей Петрович
рядовой
1916-
1941

Архипов Степан Алексеевич
мл. лейтенант
?-
1941

Бабошин Николай Прокопьевич
рядовой
1921-
1941

Беляев Анатолий Владимирович
рядовой
?-
1941

Бердников Валентин Петрович
сержант

**1917-
1941**

Проникновенно сказал о братских могилах вологодский поэт Виктор Коротав:

*На кручах, в парках, у вокзалов...
Железом, кровью и золой
Судьбина
Намертво связала
Солдат с родимую землей
Они ей жизнь завоевали, -
Она покой сынов хранит,
Тогда они
на ней
стояли, -
Теперь она
на них
стоит!*

Вечный огонь

41. Московское небо

«Я все нежней и осознанней

это люблю поколение...»

Ю. Левитанский

Тётя вернулась с дачи чем-то расстроенная.

– Что случилось?– спросил я.

– Так, ничего страшного,– ответила она смущенно,– просто неприятно, когда нарываешься на бестактность и недоверие.

Понимая, что тетю кто-то незаслуженно обидел, я попросил её рассказать о случившемся и не принимать событие близко к сердцу. Много в жизни случается не по злобе, а по невежеству.

– На обратном пути я, как обычно, показала в автобусе свое удостоверение участника войны. Контролёрша не поверила, приняла за фальшивку: возраст, говорит, у Вас не тот и прочее, чуть не отобрала документ. Спорить не стала. Оплатила проезд по полному тарифу. Обидно, ведь некоторые пассажиры косились на меня, как на обманщицу».

– Милая тётушка, может быть эта кондукторша таким образом по-своему бережет память о ветеранах войны. Ну «облаяла» неудачно. Простите её. Да и она Вам вроде комплимент сделала: Вы в 80 лет действительно моложаво выглядите, вот Вам и не дают Ваши годы,– сказал я.

– Ну, спасибо, утешил,– рассмеялась тётя.

Обычно тётя не любила рассказывать о войне и свои боевые заслуги хранила в коробке и никогда не надевала ордена. Воспользовавшись моментом, я решил пораспрашивать её о военной молодости. Видимо под влиянием обиды на этот раз я смог как-то само-собой немного разговорить её.

В феврале 1942 года, движимые чувством патриотизма и наивности молодости, она с подругой пришла в военкомат с просьбой отправить их на фронт. Несмотря на свой возраст – 21 год, она была мала ростом, худа и выглядела подростком. Пожилой сердитый зам.военкома строго отчитал девчат : «Марш домой, в тылу полно работы, на фронте без вас справятся.» Потом смягчив свой тон, с грустью добавил: «Ну куда вы, милые девушки, стремитесь? Как бабочки на огонь».

Подошедший военком – молодой энергичный полковник сказал: «Есть заявка от армейских артиллеристов, где нужны такие голосистые девчонки. Ждите повестки». Вдруг стало страшно и на фронт идти уже не хотелось.

На призывном пункте ей не нашлось обмундирования и обуви по размеру. Самая малая форма сидела на ней мешком, а в сапоги 39 размера пришлось набивать газет. Позже удалось заузить форму и подобрать меньшие сапоги.

Их определили на специальные военные курсы ПВО, готовивших воздушных наблюдателей. На курсах, кроме общевоинских дисциплин, устава, строевой, общефизической подготовки и владения оружием обучали новигации и ориентированию, телеграфии, радиоделу. По плакатам знакомили с внешним видом немецких самолетов, их техническими данными и слушали фонограммы их звуков.

Летом 1942 года девушки были направлены в воинскую часть ПВО под Москву. Пост наблюдателей считался секретным объектом и был хорошо замаскирован. 12 девушек наблюдателей дежурили по три человека круглосуточно по 6 часов с 18 часовым перерывом на отдых и бытовые нужды. В состав части входил также взвод охраны и хозяйственное подразделение. Размещались в землянках-блиндажах с прочной бревенчато-земляной кровлей. Спали на нарах, обогревались от чугунной полевой печки, которую топили дровами два раза в сутки. Если позволяла обстановка, два раза в неделю ходили в баню. Командовал частью средних лет капитан, по натуре – сугубо гражданский человек, который до войны работал инженером на

московском заводе. Он отдавал приказы обычно в форме вежливой просьбы и старался облегчить ратный труд девушек на сколько это было возможно.

Военной функцией девушек-наблюдателей было определение количества пролетавших немецких самолетов, их курса, высоты, скорости, загрузки и оперативная передача этих сведений командованию. По связи она имела позывной – 2, но все её узнавали по громкому звонкому голосу. От профессионализма наблюдателей зависела успешная «встреча» противника нашими летчиками и артиллеристами. Само подразделение имело свою малокалиберную зенитную установку и артиллеристов, но стрелять по воздушным целям им запрещалось, чтобы не демаскировать пост. Когда фронт грохотал рядом, то было очень страшно. Взвод охраны несколько раз отражал атаки немцев, используя свою МЗУ на прямой наводке. Когда фронт откатился на запад, стало спокойнее, но пост продолжал нести службу, так как немецкие самолеты рвались на Москву до 1945 года.

Я попытался выведать у тётки какие-нибудь героические эпизоды из её военной службы, но кроме трагических случаев психологических срывов девушек, болезней, тяжелых обморожений, борьбы с вшами ничего героического она не помнила.

Время стирает память этих страшных страниц жизни. Однако Московское небо ей снится часто и сейчас спустя много лет.

Тысяча дней и ночей необходимого фронтового труда, изнурительного и тяжелого своей обыденностью и однообразием в сложных полевых условиях пронизывающей холодной сырости и грязи межсезонья, зимнего мороза и летнего зноя с надоедливым болотным гнусом, труда сопряженного с постоянным страхом за жизнь, физиологического противоестественного бытия, однообразного скудного питания. Это был героизм. Повседневным подвигом девушек, так же как и жизнями погибших под Москвой солдат обеспечивалась чистота неба столицы.

42. Нечаянная встреча

Поезд на станцию Котлас прибыл солнечным утром. Александр с вещмешком на плече легко спрыгнул с высокой ступеньки вагона на покрытую черным от грязи гравием, землю. На нем была выцветшая, но чистая летняя армейская форма без погон. На груди, чуть выше орденских планок боевых заслуг, желтая полоска ранения. В свежем воздухе вокзала примешивался запах серы от жженого угля. Были слышны покрякивания гудков маневровых паровозов. Подождав пока разойдутся приехавшие с ним пассажиры, он по привычке сделал несколько гимнастических упражнений, потом закинул за спину вещмешок и пошел в сторону Речного вокзала, расположенного в трех кварталах от железнодорожного.

Речной вокзал был солидной деревянной постройкой со всеми необходимыми вокзальными помещениями и рестораном, расположенном на втором этаже с большим балконом. К пристани от вокзала спускалась широкая деревянная лестница.

Александр направлялся в г. Сольвычегодск, где у тетки временно жила его мать. Мать написала своим детям, разбросанных войной, приглашения собраться вместе и ждала всех в июне.

Теплоход на Сольвычегодск отправлялся нескоро в 15⁰⁰ и, купив билет, он пошел побродить по городу. На привокзальном рынке он купил несколько вареных картофелин, поллитровку растительного масла и небольшую лепешку хлеба домашней выпечки.

Вернувшись назад к речному вокзалу, он устроился на ступенях широкой лестницы и не спеша, подкрепился картошкой с хлебом, полив его маслом. Поев, он, с наслаждением вдыхая свежий речной воздух, стал смотреть на речные просторы и не заметил, как из широкой щели в лестнице появилась рука и тихо взяла его бутылку с маслом и исчезла. Пропажу он обнаружил не сразу, и лишь тогда, когда подумал, что надо бы заменить бумажную пробку в бутылке – деревянной, выстругав ее из ветки, рядом растущего кустарника. Бутылки не было. Озадаченный он осмотрелся и понял свою ошибку: под лестницей было пространство, в котором свободно мог пройти человек, а через щель стащить бутылку. Задумавшись, он стал мысленно последовательно раскручивать время и события назад и вспомнил, что какой-то сутулый мужик попадал в поле его зрения на рынке, на вокзале и даже здесь у лестницы. Утвердившись в своей догадке, он, не спеша собрался и, поднявшись на балкон вокзала некоторое время наблюдал за пассажирами, потом пошел на рынок и, забравшись в тамбур старого заброшенного вагона, стал ждать, осматривая всю площадь. Минут через тридцать он увидел его. Тот вышел из пивной и куда-то направился.

Александр неожиданно вырос перед ним и, схватив рукой за ворот рубахи толкнул и, прижав к забору, злобно тихо сказал:

– Отдай масло, гад.

– Быстро ты меня нашел, командир – опомнился вор, не смутившись и не пытаясь оправдываться.

– Ну! – потрянул он вора

– Не могу... уже пропил твоё масло, – нагло улыбаясь, заявил вор. Что-то давно знакомое показалось Александру в той усмешке, но злоба уже закипела, и он замахнулся, чтобы ударить вора в голову, но тот легко уклонился и Александр почувствовал, что нож уперся ему в бок. Александру мешал его мешок и, оттолкнув парня, плюнул, выругался и пошел к пристани.

В 15
00

закончив посадку, матрос теплохода убрал трап, отдал швартовые и теплоход, урча моторами, медленно отвалил от причала. Александр стоял у борта и наблюдал, как отдалается речной вокзал. Ему показалось, что в толпе провожающих мелькнуло лицо его обидчика. Нет, не показалось. Вор действительно, стараясь быть незамеченным, стоял позади группы старушек и, виновато улыбаясь, смотрел на Александра. Потом он робко махнул рукой и исчез... У Александра от догадки защемило сердце – Алекс!

Теплоход был уже далеко, провожающие разошлись, а сутулый мужик все сидел на лавке причала, глядел на уменьшающийся в точку белый теплоход и слушал волны Северной Двины, шлепающие о причал.

Он вспомнил село, где родился, отца – высокого сильного эстонца, сосланного в Вятский край на поселение, мать – невысокую милую и тихую женщину, приятелей мальчишек, которых не видел уже более 15 лет. Сашку, появившегося на станции в образе бравого солдата, он узнал сразу, но подойти не решался, кружил около и наблюдал. Но тут представился случай, пошутить, который он, как «специалист» своего дела пропустить не мог. Бывало, в детстве Алекс любил разыгрывать Сашку и потом весело смеялся над тем, как он кипятился. Они часто тузили друг друга и, соревнуясь в силе и ловкости, барахтались на песчаном берегу реки Моломы.

Сашка был невысок, но крепок и настырен, Алекс наоборот худ и долговяз и соперничество их шло с переменным успехом. Алекс вспомнил, как он с Сашкой, забравшись на черемуху в соседнем огороде, объедались вязкими ягодами и как улепетывали потом от сердитой хозяйки по крапиве, больно обжигая голые колени, как любили по вечерам на берегу реки жечь костер, печь картошку и болтать до потемок, пока матери не загонят их по домам.

Беззаботное детство кончилось, когда власти вновь арестовали отца, а заодно и мать. Мать была из местных, но сирота, родственников у них не было и Алекса отправили в детский дом. Оттуда он сбежал, потом скитался по области, промышлял воровством на железной дороге и два раза сидел в тюрьме.

Всю войну он проработал в лагере на лесоповале. Тяжелая жизнь сильно изменила его внешность: он стал сутул, лицо приобрело мужскую суровость, обветрилось, а глубокие морщины и шрам на брови изменили прищур его глаз. Мудрено было его узнать.

Теплоход тем временем подходил к Сольвычегодску и мысли Александра переключились на предстоящую встречу с родными. Вдали уже виднелась высокая колокольня собора с длинным острым шпилем.

43. На реке

Как-то летним вечером я услышал стук по батарее отопления – условный сигнал моего приятеля Олега, жившего этажом выше: «Та-Та-Та». Я взял ложку и так же трижды постучал по батарее. На стук «ТиТи» – предложения о встрече, я ответил согласием «ТиТи». Встретились на лестничной площадке и уговорились идти на рыбалку.

Ночью мы обычно рыбачили на подпуска с плотов. Подпуск – длинный шнур с 10...20 крючками, привязанными на поводках-жилках. Один конец подпуска с кормушкой топился с грузом и привязывался к плоту, а другой – свободный с наживленными крючками отпускался по течению. Сборы были недолги: накопив за сараем червей для насадки, взяв корзинки со снастями да по ломтю хлеба, мы отправились к реке.

Когда перешли деревянный мост через Вятку, уже стемнело. Было тепло и тихо. Прошли бор заречного парка, деревеньку Нахаловку и луг до начала плотов. На реке стояла моль – свободно плавающие бревна, сдерживаемые плотами – бонами с которых мы и собирались рыбачить. На боны можно было попасть, обойдя с берега метров сто. Напрямую было всего 7...10 метров и днем мальчишки перебежали на боны прямо по моли ловко и быстро, перескакивая с бревна на бревно. Я, было, собрался бежать, но Олег сказал, что пойдем в обход... «Что слабо?» – спросил я. «Да нет. Просто я обещал бабушке не бегать по моли». Спорить с ним было бесполезно, и мы отправились в обход. Тут стоит рассказать об Олеге.

Олег был родом из Ленинграда. Перед войной в 1940 году он с мамой и бабушкой переехал в наш город, поменяв свою ленинградскую квартиру на небольшую отдельную двухкомнатную квартиру в нашем доме. Мать и дочь были типичной еврейской внешности. Олег был русоголов и совсем не походил на мать. Это обстоятельство не давало покоя досужным теткам нашего дома, вызывая среди них разные толки. Семья жила независимо и замкнуто и тактично пресекала все попытки вопрошателей выведать их семейные тайны. Ходили слухи, что эти женщины усыновили мальчика-сироту после гибели его родителей. Это было в духе времени, в какой-то мере объясняло причину их переезда и толки стихли. Олег соблюдал режим дня, был начитан и отлично учился в школе. Если наша дворовая братия в большинстве одевалась небрежно: носили универсальные шаровары на резинке, а рубахи донашивали от старших братьев и соседей, то Олег по погоде носил модную детскую одежду, любовно сшитую бабушкой по его размеру, всегда был чист, причесан и опрятен. Мать и бабушка не сдерживали его темперамента, и он как все его сверстники бегал во дворе, играл, катался на велике, ходил на реку. Однако в мальчишеские ссоры не ввязывался, был независим и самостоятелен, и лидером быть не стремился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.